

УДК 008+304+316.42

Информационная цивилизация как глобальный проект эпохи постсовременности

А. И. Зеленков, доктор философских наук, профессор*

И. В. Олейник, студентка магистратуры**

В статье предлагается новая интерпретация концепта «информационная цивилизация», которая основывается на понимании глобализирующегося мира как имманентно противоречивой и нестабильной социальной реальности. Обосновывается имманентно-противоречивый характер глобализации, который проявляется в изменении временных параметров социального бытия. Раскрывается сущность процессов релятивизации и ускорения времени. Обозначается специфика социального времени как образа бытия глобализирующегося мира. Феномен ускорения времени связывается с гиперболическим ростом населения земли и сжатием исторического времени.

Ключевые слова: информационное общество; информационная цивилизация; глобализация; социальное время.

The Information Civilization as the Global Project of Postmodernity

A. I. Zelenkov, PhD in Philosophy, Professor

I. V. Oleynik, Undergraduate Student

The new interpretation of the concept «an information civilization» which is based on understanding of the globalized world as immanently contradictory and instable social reality is offered in this article. Immanently contradictory nature of globalization is justified, it appears through change of the time parameters of social existence. The essence of relativization and accelerate time processes is revealed. The specificity of social time as a way of being of globalizing world is denoted. The phenomenon of time acceleration associated with the hyperbolic growth of the world population and compression of historical time.

Key words: an information society; an information civilization; globalization; social time.

Философско-методологический ракурс рассмотрения современной социодинамики обретает особый смысл и ценность именно потому, что сегодня она демонстрирует такие формы и методы социальных трансформаций, которые ставят под вопрос многие основоположения традиционных концептуальных схем и моделей. Попытки адекватно описать и интерпретировать радикальные изменения в структуре экономики, политики, культуры позднебуржуазных обществ приобрели ко второй половине XX столетия системный и целенаправленный характер. М. Маклюэн предлагает квалифицировать эти изменения как «электронный век», П. Дракер как «общество знаний», З. Бжезинский как «технотронное общество», Д. Белл как «постиндустриальное общество». Перечень этих во многом условных

и метафорических конструктов можно продолжать, однако в постоянно растущем наборе подобных наименований и квалификаций все чаще в этот период появляются понятия «информационное общество» или «информационная цивилизация».

Как известно, эти понятия впервые вводятся в научный оборот в 60-е гг. XX столетия параллельно в работах Ф. Махлупа и Т. Умсао. В частности, в 1962 г. в работе «Производство и распространение знания в США» [1] Ф. Махлуп обосновывает принципиально важный тезис об опережающем росте занятости в сфере производства знаний по сравнению с другими сферами промышленного производства. Это дало основание автору сформулировать положение о приоритетном статусе информационного сектора экономики в динамично развивающихся современных обществах.

Впоследствии Ф. Махлуп совместно с американским исследователем М. Поратом системно исследовал феномен фронтального воздействия

* Заведующий кафедрой философии и методологии науки ФФСН БГУ.

** Студентка магистратуры кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

информационной экономики на все сферы социальной жизни. В результате была обоснована необходимость введения в категориальный аппарат «концепции информационной цивилизации» понятия «сектор информационных и коммуникативных технологий (ИКТ)». «Сектор ИКТ — объединение промышленной индустрии и индустрии услуг, чьи продукты собирают, транслируют или отображают информацию электронным путем» [2, с. 100]. Такое разделение функций важнейших структурных компонентов современной экономической системы позволило существенно смягчить дихотомию различных секторов и подсистем в целостной инфраструктуре занятости обществ постиндустриальной ориентации. Эксперты и аналитики, представляющие различные научно-исследовательские центры ряда стран ОЭСР, опираясь на принципы указанной дифференциации, выделяют в структуре информационного общества два рядоположенных, но вместе с тем функционально различных социально-экономических сегмента: индустрию по производству содержания и индустрию ИКТ, транслирующую и отображающую содержание. В итоге информационное общество интерпретируется как специфический этап современной цивилизационной динамики, как собственно «информационная цивилизация», в рамках которой все социальные процессы испытывают на себе трансформирующее воздействие «информационной экономики» [2, с. 101].

Такая интерпретация концепции информационной цивилизации позволила использовать ее понятийный и объяснительный потенциал для разработки стратегических сценариев и программ развития конкретных обществ, а также принятия важных политических и геополитических решений на государственном и международном уровнях. В частности, в Японии принята и активно проводится в жизнь комплексная социально-экономическая программа «информационное общество — национальная цель Японии к 2020 г.». В 2000 г. лидеры стран «Большой восьмерки» подписали «Окинавскую хартию глобального информационного общества». В 2003 и 2005 г. в два этапа была организована работа Всемирного Саммита по информационному обществу.

Вместе с тем сама идея информационной цивилизации остается во многом полисемантической и декларированной. Одной из причин ее теоретической и социально-практической уязвимости является ограниченность философско-методологической и концептуальной базы. Как правило, сторонники теории информационного общества разделяют методологические принципы

экономизма и технологического детерминизма, которые фундируют философско-методологический базис концепции «постиндустриального общества». Подчеркивая это обстоятельство, В. Л. Иноземцев справедливо отмечает, что различные версии теории информационного общества, как правило, не выходят за методологические рамки концепции постиндустриализма и скорее обогащают ее, нежели опровергают [3, с. 92—93]. Важно представить идею информационной цивилизации как органичный компонент современных моделей социодинамики, реализующих базовые тренды *глобализации*. Глобализирующийся мир конструирует принципиально новую метрику мироустройства. В ней поиск приемлемых решений и ответов на вызовы постсовременности уже не может осуществляться в формах апелляции к наличному политическому опыту и использования стандартных технологий принятия стратегических решений. С. Хантингтон был, безусловно, прав, когда подчеркивал, что в современных условиях необходимо использовать цивилизационные критерии и соответствующую им методологию анализа важнейших противоречий современной социодинамики [4]. А это означает, что адекватное понимание объективных трансформаций и духовно-субъективных метаморфоз, происходящих в современных обществах, эффективно использующих возможности информационно-коммуникативных технологий, становится возможным, если эти фронтальные изменения в социально-экономической и духовно-нравственной сферах жизни общества интерпретируются как подлинно цивилизационные сдвиги. То есть становление основополагающих констант информационного общества необходимо рассматривать как процесс конституирования информационной цивилизации в условиях глобальных изменений в экономических, политико-институциональных и социокультурных отношениях в современном мировом сообществе.

Интенсивное использование информационно-компьютерных технологий приобрело на современной стадии социального развития поистине глобальный характер. Эта тенденция всеобщей и универсальной информатизации жизни настолько самоочевидна, что многие авторы трактуют феномен глобализации как имманентно детерминированный информационно-компьютерной революцией. Так, например, М. Г. Делягин определяет глобализацию как процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий [5, с. 277]. С другой стороны,

понять природу и социокультурные импликации тотального внедрения информационно-компьютерных технологий в современную жизнь вне процессов ее глобализации также едва ли возможно. При этом принципиально важно использовать не апологетические версии образа глобализации, сформированные на основе принципов неолиберализма, а опираться на подлинно диалектические ее модели, в которых раскрывается имманентно противоречивая сущность феномена глобализации.

Действительно, палитра взглядов и оценок, когда речь заходит о глобализации, весьма разнообразна и противоречива. С одной стороны, глобализация, как никакой другой процесс социальных изменений, удостоился позитивных оценок и неумных похвал. Идея глобального мира не без основания претендует сегодня на статус одной из самых конструктивных и реальных программ современной социодинамики. Ее адепты не устают повторять, что глобализация беспрецедентно ускоряет экономическое развитие, способствует упрочению мира и развитию демократии, инициирует становление идеологии солидарности.

С другой стороны, немало и таких оценок, в которых глобализация рассматривается в негативных контекстах. Ее обвиняют в росте безработицы, инфляции, разрушении механизмов этнической и культурной идентичности, ведущих к конфликтам и нарастанию хаоса в мировом обществе.

Имманентно-противоречивая сущность глобализации может быть проиллюстрирована не только на эмпирически-феноменальном уровне, но также и в онтологическом контексте. В частности, посредством выявления амбивалентной природы социального времени как образа бытия глобализирующихся социумов. Эта амбивалентность времени в условиях глобализации проявляется в двух взаимно скоррелированных процессах: *релятивизации временных параметров социального бытия и ускорении времени до масштабов гиперболического роста*.

Релятивизация времени обозначается рядом авторов как специфическая характеристика социального времени в условиях глобального мира. Наиболее ярко она проявляется тогда, когда социальная дифференциация достигает стадии очевидной поляризации между бедностью и богатством, мобильностью и застоем, креативностью и традиционализмом. Так, например, З. Буман отмечает, что одним из существенных последствий глобализации является «аннулирование пространственно-временных расстояний», которое «не способствует единообразию условий

жизни человека, а, напротив, ведет к их резкой поляризации». В то время, когда «одни колесят по свету, другие смотрят, как мир проплывает мимо» [6, с. 32]. Релятивизация, таким образом, становится тем фактором, который разделяет тех, кто подчиняет себе время, и тех, кто подчиняется времени.

Релятивизация времени в глобальном обществе также может быть проинтерпретирована как факт возрастающей социальной аритмии и образования множественных временных потоков. И. Капельс, исследуя этот феномен, отмечает, что в сетевом обществе время дробится в соответствии с различными контекстами: «Линейное, необратимое, измеримое, предсказуемое время дробится на куски в сетевом обществе, в движении, имеющем чрезвычайно историческое значение» [7, с. 75].

В качестве главного фактора релятивизации социального времени в сетевом обществе И. Капельс называет «растущее разнообразие использования рабочего времени, зависящее от фирм, сетей, рабочих мест, профессий и характеристик работников» [7, с. 486]. В целом релятивизация времени ведет к тому, что И. Капельс называет социальной аритмией. Основной причиной этой аритмии он считает радикальную относительность и неизмеримость рабочего времени, которое все более очевидно становится условным, изменчивым, нефиксированным.

Глубинная противоречивость социального времени в глобализирующихся обществах проявляется также в феномене его перманентного ускорения. Весьма наглядно этот феномен обнаруживается в беспрецедентном росте народонаселения в последние десятилетия. Так, С. П. Капица вполне обоснованно интерпретирует современный демографический взрыв как коррелят сжатия исторического времени [8, с. 128—130].

Ускорение исторического времени рассматривается и как следствие потребности в гибкой форме темпоральности, в которой нуждается сетевое общество для постоянного повышения производительности и эффективности труда. Это требует ускорения оборота капитала, в результате чего время подвергается компьютерным манипуляциям по сжатию, что приводит, в свою очередь, к высокой скорости финансовых транзакций. «Один и тот же капитал движется туда и обратно между экономистами за период порядка нескольких часов, минут, а иногда секунд [...] Именно скорость транзакций, иногда автоматически запрограммированных в компьютере для принятия квазимгновенных решений, есть фактор, определяющий выигрыш или потерю» [7, с. 477—478].

Таким образом, перманентное ускорение времени и его фронтальная релятивизация весьма убедительно иллюстрирует глубинную противоречивость и нестабильность эпохи глобализации, которая олицетворяет постсовременный мир, все более явно обретающий черты информационной цивилизации.

Список цитированных источников

1. *Maclur, F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Maclur. — Princeton, 1962.
2. Guide to Measuring the Information Society / Working Party on Indicators for the Information Society; Organization for Economic Cooperation and Development 08-Nov-2005. — Paris, 2005.

3. *Иноземцев, В. Л.* Неизбежность постиндустриального мира / В. Л. Иноземцев // Постиндустриальный мир и Россия. — М., 2001.
4. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М., 2003.
5. *Делягин, М. Г.* Мировой кризис. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. — М., 2003.
6. *Бауман, З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. — М., 2004.
7. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М., 2000.
8. *Капица, С. П.* Демографическая революция и Россия / С. П. Капица // Век глобализации. — № 1. — 2008. — С. 128—143.

Дата поступления в редакцию: 13.06.2014 г.